

Я.Корчак пишет: «Мое правило жизни такое: быть искренним. Не обращать внимания на разные подковырки. Если я что люблю, говорю: "люблю", и баста". И второе правило: "Меня не касается маленький кто-либо или большой и что говорят про него другие: красив, некрасив, умен, глуп; меня не касается даже, хорошо ли учится, хуже меня или лучше; девочка это или мальчик. Для меня человек хорош, если хорошо относится к людям, если не желает и не делает зла, если он добрый».

Душевно здоровый человек готов двигаться вперед, балансируя на острие нестабильности, готов утверждать добро, хотя для него оно не всегда откликается добром. Но все постигается на практике, и надо продолжать утверждать добро.

1. *Кораблина Е.П.* Личность и личностный рост. — СПб., 1993. — 19 с.

2. *Корчак Я.* Педагогическое наследие. — М., 1990. — 458 с.

Н.Г.Ильина,
ст. преподаватель

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УСТАНОВКИ ПОСТИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ И ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

Есть люди, которых называют «проводники истории». К ним по праву можно отнести и нашего земляка Иосифа Гошкевича. Наш соотечественник большую часть своей жизни отдал науке и просвещению, труду на благо Отечества. Путешественник, востоковед, лингвист, дипломат,

ученый — энтомолог, историк... Много достоинств и талантов у нашего земляка. Но в истории он остался как один из первых, кто познакомил с культурными традициями славян жителей Японии. Там его называли «беловолосым консулом». Трудна и почетна была его миссия. Но и сегодня мы, его потомки, благодарны ему за то, что он проложил «культурные тропинки», а затем и «дороги», которые соединили такие разные народы: японский, русский, белорусский. Считаю уместным в данной статье привести стихи, посвященные нами этому великому человеку.

Беловолосый консул ! Ты стал послом России, Родившись в Беларуси, В краю озёрном, синем!	Пусть с белой хризантемой Совьётся василек, И символом надежды Пребудет сей веноч.
---	---

Далёкая Япония И наша Беларусь! Пусть не одно столетие Продлится ваш союз!	Ведь мы, народы мира, Мы не хотим войны. Уже хлебнули горя Наши две страны.
---	--

Большая беда постигла Японию в далеком 1945 г., когда на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. А в 1986 г. наша Беларусь пострадала от «мирного атома».

Но помогает дружба Преодолеть беду — Вновь зацветают сакура И яблони в саду.	На родине Гошкевича, В селении Мали, В далёком Хакодатэ, В другом конце Земли.
---	---

Новая литература Востока прошла вековой путь развития и все настойчивее заявляет о себе в современном мировом литературном процессе. Убеждает в этом и то, что

много раз присуждалась Нобелевская премия представителям литературы Азии и Африки. С интервалом в 26 лет два японских писателя стали лауреатами этой международной премии: в 1968 г. — Ясунари Кавабата, в 1994 г. — Кэндзабуро Оэ.

В 1888 г. Симэй Фтабатэй опубликовал роман «Плывущее облако». Он заложил основы новой японской литературы. Роман был написан (по словам самого Фтабатэя) под глубоким впечатлением русской литературы. Характерный для русских классиков поворот от повествования «из головы» к повествованию «из сердца» был близок и понятен японцам, воспитанным на традициях лирико-поэтического восприятия мира.

Японии, открывшей раньше других стран Азии не только технический гений Европы, но и ее «сокровенную душу», предстояло дать обильные всходы как в технике, так и в художественной культуре. Через 100 лет после начала модернизации страны новая японская литература получила мировое признание.

Диалог Японии с Европой длится более четырех столетий. По-прежнему между ними сохраняются существенные различия в мышлении, реакции на окружающий мир и место человека в нем. Но, может быть, именно такое различие должно быть осознано как ценное качество, дающее возможность взаимного духовного обогащения. Ведь, как писал Элиот, «ни один поэт, ни один художник в любом из искусств не раскрывается целиком сам по себе. Смысл его творчества, его ценность обретают полноту лишь в сопоставлении с поэтами и художниками прошлого... Существующие памятники образуют некий идеальный упорядоченный ряд, который видоизменяется с появлением среди них нового произведения искусства».

Уже в XIX—XX вв. культурный интерес Японии к России и России к Японии стал обоюдным. В конце XIX в.

распространению русской культуры в Японии способствовала православная миссия, которую более полувека возглавлял епископ Николай (И.Д.Касаткин). Японская культура сблизила отца Николая с консулом Иосифом Гошкевичем, предоставившем возможность отцу Николаю пользоваться своей библиотекой. Оба они — белорус и русский — вместе работали на благо просвещения в стране с чужими обычаями, нравами и традициями, привнося в культуру другого народа славянские традиции. При миссии были открыты духовная семинария и школа русского языка, откуда вышли многие известные русисты, первые переводчики произведений И.Тургенева, Л.Толстого, А.Чехова, М.Горького. Самые ранние переводы русской классики делались с европейских языков.

Из критических статей начала XX в. видно, что теоретический уровень восприятия русской литературы в Японии достаточно высок, видимо, потому, что японцы находили много общего и близкого для себя в ней.

Так, обращаясь к творчеству Л. Толстого, Кувабара отмечает особо характерный для писателя поворот от повествования «из головы» к повествованию «из сердца».

Именно эта «теплота сердца», поэтическое восприятие мира, понимание того, что суть вещей духовна, находили отклик у японской интеллигенции, разочарованной голым прагматизмом в современной жизни. Японский читатель восторженно встретил лирическое повествование Л.Толстого «Война и мир». Донести идеи русского писателя до простого японского читателя помогала и русская православная миссия. Из духовных семинарий при русской православной миссии вышли такие переводчики и проповедники толстовских идей, как Кониси Масутаро, Курода Отокити, Нобори Сему и др. Переводы Толстого и монографии о нем во многом способствовали формированию образа писателя и России как страны правдоискателей и друзей Азии.

Что же так привлекает в Толстом японцев? Видимо, в первую очередь, ощущение духовного родства. Толстой был и есть нравственный авторитет, ему верят, чувствуя внутреннее к нему тяготение. Старейший японовед Н.И.Конрад писал: «Толстой никогда не был для японцев только писателем-художником, многих из них он учил тому, как надо жить. Они его так и называли “Учитель”».

Токутоми Рока одним из первых в среде японской интеллигенции увидел в Толстом своего «учителя». В 1890 г., прочитав «Войну и мир» в английском переводе, Рока опубликовал свою статью «Звезда русской литературы граф Толстой», а в 1898 г. в серии «Двенадцать великих писателей мира» (издательство «Минъюся») вышла его книга «Толстой». В июне 1906 г. Токутоми Рока посетил Ясную Поляну, где провел в гостях у Толстого пять дней. В декабре 1906 г. вышли его воспоминания об этих днях «Тропой паломника» («Дзюнрэй кико»). Беседы с Толстым и его родственниками произвели на Рока огромное впечатление. Возвратившись в Японию, он простился с городом, отказался от псевдонима Рока, означающего «цветы тростника», и, вернув себе настоящее имя Кэндзи-ро, начал «новую жизнь на земле», в домике под соломенной крышей.

Учителем жизни называл Толстого и Мусянокодзи Санзацу — выдающийся писатель современной Японии. Мусянокодзи принимает не только нравственные убеждения Толстого, но и его социальную утопию. Стремясь создать «идеальное общество», он образовал в 1918 г. колонию «Новая деревня», отдав все свои средства на приобретение земли, и поселился там вместе с девятнадцатью единомышленниками. Они работали в поле, занимались нравственным самосовершенствованием и искусством.

Так создавался образ Толстого на Востоке на основе его книг, выступлений против войны и колониальных раз-

боев в Азии и др. Японцы приняли этого страстного обличителя зла. Его выступления во время русско-японской войны они называли «сисику» (рычание льва). Позже писателя сравнивали с китом в океане. А японскому писателю Нагаи Есиро он казался «диким быком». Знакомство простых японцев с художественными произведениями Толстого во многом изменило их представление о русском писателе. Так, читая повесть «Казаки», японцы заметили, что толстовская мысль о слитности человека и природы близка их собственным мыслям. Привлекло их и лирическое начало в «Казаках». Японская критика сразу заметила отличительную черту произведений Толстого — поэтичность реалистического видения, скрытую в его прозе поэзию жизни. Образ страдающего Толстого ближе японцам, нежели образ Толстого — «дикого быка».

Можно сделать вывод, что на формирование образа Толстого в Японии воздействуют различные исторические и культурные факторы, а также само творчество писателя. Роль разных произведений и воздействие их на японского читателя тоже разные.

«Война и мир», «Анна Каренина» привлекли в основном внимание элитной аудитории. Роман же «Воскресение» воздействовал на умы и настроения буквально всех японских читателей. Первый перевод «Воскресения» на японский язык был в 1902 г. в журнале «Сетэнги» под названием «Ночь и утро». По-новому восприняли японцы «Воскресение», когда познакомились с инсценировкой, осуществленной Токийским художественным театром в марте 1914 г. под руководством Хогэцу Симамура. Этот год назвали годом Катюши Масловой в Японии. Х.Симамура впервые в Японии ввел спецкурс, посвященный творчеству Толстого, который читал на литературном факультете университета Васэда.

Увлеченный Толстым, Симакура стремился приблизить его идеи к японской действительности, соединить с лирико-поэтическим восприятием мира, характерным для японского искусства. Вместе с известным писателем Гефу Сома и композитором Симпэй Накакура он сочинил песню Катюши. Эта песня вызвала восторг у зрителей и вошла в историю японского театра и музыки, ее пели и парикмахеры, и рабочие, и школьники. О популярности «Воскресения» свидетельствуют факты: с 1914 г. по 1918 г. актеры новой и старой школ ставили спектакль 444 раза. Основная причина такой популярности — гуманизм романа.

Толстовский гуманизм оставил глубокий след во многих сферах общественной и духовной жизни Японии. Картина суда, картины жестоких преследований простых людей, раскрытие Толстым зависимости правосудия, политических учреждений от корыстных интересов правящих кругов — все это стало предметом дискуссий японских юристов. Так, в октябре 1912 г. профессор юридического факультета Императорского университета Киото Косин Такикава выступил с лекцией в столичном университете Тюо на тему «Правовые идеи в романе Толстого “Воскресение”». В своем выступлении он утверждал, что «преступление есть продукт общества, и, чтобы искоренить его, надо создать общество, в котором не будет условий для его совершения». Этот тезис лекции созвучен идее Толстого, выраженной в романе «Воскресение».

Гуманизм и критика господствующего класса, к которому Толстой принадлежал по рождению, находили живой отклик в литературной группе «Сиракаба», сформировавшейся в 1910 г. и состоявшей из молодых аристократов. Небольшая группа мыслящих молодых людей сделала своей целью поиск смысла жизни и познание самого себя. Они провозглашали принцип «слушаться своей совести во

всех мелочах жизни». Само название «Сиракаба» («Белая берёза») ассоциируется с Россией и русской литературой, а одним из литературных вождей для них был Л.Н.Толстой.

Японские же социалисты по-разному относились к творчеству Толстого, но главной была такая оценка: «Автор сумел облечь свою беспощадную социальную критику в художественную форму и тем привлек внимание миллионов читателей к наболевшим проблемам современности».

Эстетическим мостом, соединяющим литературную жизнь России с культурой далекой Японии, можно назвать и творчество русского писателя Ивана Тургенева, произведения которого в числе первых проникли в духовную жизнь японского народа и заявили о существовании неисчерпаемого мира русской словесности. Значение творчества И.Тургенева в духовной жизни Японии конца XIX — начала XX в. велико. Японский литературовед Асия Нобукадзу писал: «Если говорить о влиянии на нас русской литературы, то эпоха Мэйдзи с полным правом может считаться эпохой Тургенева».

В чем же причина столь большой популярности Тургенева в Японии? Многие литераторы приходят к выводу, что не только новизна стиля и острота социальной и нравственной проблематики покорили японцев. Видимо, есть нечто узнаваемое, близкое. Осознаваемая японцами духовная близость к русскому писателю, творческая манера и поэтика произведений отвечают их художественному и эстетическому вкусу. Это и облегчило восприятие его сочинений в Японии. Не зря французский писатель Поль Бурже высказывал мысль о скрытой близости тургеневских произведений внутреннему духу буддизма в широком философском смысле. «Восточную черту» находит у Тургенева и японский литературовед Сато Сэйро. Он пи-

сал о том, что из всей русской словесности Тургенев наиболее близок ему и глубиной интеллекта, и искренним сочувствием к судьбе русского народа. Сато Сэйро считал, что способность проникать в душу каждой вещи, одухотворять каждый предмет берет начало в восточных религиях, в буддизме. Японский литературовед склонен обосновывать близость Тургенева восточному мировосприятию даже восточной кровью далеких предков Тургенева. По свидетельству японского критика, фамилия русского писателя имеет татарское происхождение и восходит к имени полководца Турга, жившего в далеком прошлом.

Литературоведы находят много общего в творчестве японских писателей и Тургенева. Это и близость поэтики, и эстетических представлений, мотивов, образов, похожесть многих общих подходов к изображению природы и человека. При этом сохраняется сугубо национальный характер каждого из художников слова, воплощающих дух своего народа.

Сравним творчество И. Тургенева с произведениями одного из национальных японских писателей Кавабата Ясунари. Самобытное понимание прекрасного, специфика художественного видения мира писателем своими корнями уходит к истокам древней национальной культуры, эстетические законы которой демонстрируют устойчивость во времени во много раз успешнее, чем это свойственно западной культуре. В этом И.Тургенев и Кавабата Ясунари близки.

Обратимся к одному из традиционных понятий японской культуры — понятию, которое подразумевает наличие в художественном произведении намек, недосказанности, тайны. Вероятно, это самое созвучное в поэтике обоих писателей. В традиции всего японского искусства — оставлять мысль, откладывая кисть, обрывать сказанное едва ли не на самом эмоциональном взлете, открывая

возможность читателю или зрителю соучаствовать в творчестве. Поэтому особое значение приобретает подтекст, обязывающий к чуткому прочтению произведения.

В новелле Кавабаты «Танцовщица из Идзу» трогательно и проникновенно повествуется о зарождении в душах молодых людей первой любви. Растущая привязанность и стремление героев друг к другу скрыты за пределами слов, крайне сдержанных, лаконичных, исполненных внутреннего смысла. Неловкость, волнение, охватившие юную танцовщицу при виде студента, ставшего случайным попутчиком бродячей труппы актеров, выдают себя в напряженности ее позы, в чуть заметном дрожании руки. Сила, искренность не высказанного еще чувства тонко передаются благодаря той тональности, в которой описано грустное, молчаливое, а оттого напряженное расставание.

Умение писателя «сказать не говоря», молчанием, намеком передать глубину охватившего героя чувства, подтверждает преданность Кавабаты национальной традиции Японии, где незавершенность, незамкнутость были издавна требованием художественного вкуса, где невозможно было обойтись без душевной тонкости самого читателя, способного к быстрому настрою на воссоздаваемое художником чувство.

И.Тургенев выбирает похожие пути для передачи сложности душевных состояний. Тургеневские персонажи раскрывают свой внутренний мир лишь в самые острые, напряженные моменты их жизни. Сущность своей творческой манеры Тургенев описал сам: «Поэт должен быть психологом, но тайным; он должен знать и чувствовать корни явлений, но представлять только сами явления в их расцвете или увядании...»

Романы Тургенева изобилуют сценами, как бы не завершенными в своем развитии, полными значения, не раскрываемого до конца. Этот эстетический прием — ис-

пользование пауз и «пустых мест» в тексте — можно сравнить с законами восточного искусства, ибо согласно восточной эстетике — пустота содержательна и значительна. В Японии говорят, что пустые места на свитке исполнены большего смысла, чем то, что начертала кисть.

Некоторая эскизность, контурность творческой манеры Тургенева и Кавабаты, пронизанность произведений обоих писателей ощущением неясности, неопределенности, потенциальная возможность продолжения, развития намеченных в них сюжетных линий и психологических положений и позволяют нам сопоставлять поэтические системы русского и японского художников слова и говорить об их эстетической и духовной близости.

Параллель, которую мы провели, обнаруживает наиболее очевидные моменты соприкосновения творческих миров очень разных и самобытных писателей, а также подтверждает то, что в мировой культуре нет замкнутых и непонятных другим регионам культур, одновременно помогает проникнуть в тайну притягательной силы тургеневских сочинений для японского читателя.

Анализ аспектов взаимопроникновения таких разных культур ведет к следующему выводу: когда культура выступает не как нечто внешнее по отношению к человеку, а как его внутреннее состояние, норма, потребность, тогда и появляется истинный человек, который своим творчеством может свернуть горы, разрушить стены между мирами, строившиеся тысячелетиями. Писатели таких разных стран стремятся познать себя, свое место в мире. Видимо, это то, что еще Ф.М.Достоевский назвал потребностью познания, имея в виду, что тайна человеческого бытия не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить.